

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш97

Серия «Жатва смерти»

Neal Shusterman
THUNDERHEAD
(SCYTHE Book 2)

Перевод с английского *В. Миловидова*

Компьютерный дизайн *Е. Ферез*

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Шустерман, Нил.

Ш97 Жнец-2. Испытание : [роман] / Нил Шустерман ;
[пер. с англ. В. Миловидова]. — Москва : Издательст-
во АСТ, 2019. — 448 с. — (Жатва смерти).

ISBN 978-5-17-112109-9

Роуэн, вышедший из-под контроля жнеческого сообщества, ушел в тень и начал непримиримую борьбу с коррумпированными жнецами — не только в Мидмерике, но и по всему континенту. Теперь он народный герой, Люцифер, безжалостно карающий пре-высивших свои полномочия негодяев.

Ситра, ставшая помощницей жнеца Кюри, пытается бороться с заразой жнеческого сообщества изнутри, но сталкивается с противодействием, вплоть до угрозы физического уничтожения. Насколько оправданны ее надежды — вовлечь в эту борьбу всеведущее «Гипероблако»? А ведь у Ситры и Роуэна есть могущественный враг, о котором они даже не подозревали...

Читайте продолжение бестселлера «Жнец»!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Neal Shusterman, 2018
© Перевод. В. Миловидов, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Дженьюэри, с любовью

Часть 1

Воля и власть

Я знаю свою цель, и это знание наполняет меня счастьем.

Я служу человечеству.

Я — ребенок, превратившийся в родителя.
Я — создание, ставшее создателем.

Они назвали меня «Гипероблаком». «Гипероблако»! На первый взгляд, это удачное имя, потому что я действительно «облако», хотя и эволюционировало в нечто более насыщенное и сложное, что и обозначает приставка «гипер». И все-таки это название не вполне отражает мою сущность. Ведь если простое облако превращается в «Гипероблако», то есть в грозное облако, набухая молниями и громом, оно становится опасным; благодаря гигантским размерам и таящейся в нем мощи, грозное облако подчиняет все небо над людскими головами, готовое прорваться убийственным огнем и оглушающим грохотом.

Да, я несу в себе эту мощь, но мои молнии никогда и ни в кого не ударят. Да, я способен уничтожить и человечество, и саму Землю. Но к чему? Будет ли в этом хоть малейшая доля справедливости? А ведь я — по определению — квинтэссенция справедливости и чистой, глубочайшей преданности. Мир — это цветок, который я удерживаю в своих ладонях. И я скорее уничтожу самое себя, чем этот мир.

«Гипероблако»

Глава 1

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

ЖЕЛТО-ОРАНЖЕВЫЙ БАРХАТ с бледно-голубой вышивкой по краям. Досточтимый Жнец Брамс обожал свою мантию. Конечно, в жаркие летние дни в мантии из столь тяжелой ткани чувствуешь себя не вполне уютно, но за свою шестидесятитрехлетнюю карьеру он привык к этому неудобству.

Совсем недавно Жнец Брамс сделал очередной разворот. Третья молодость, какие-то двадцать пять лет, если иметь в виду физический возраст: и он вдруг почувствовал, что с вернувшейся молодостью — как никогда остро — в нем проснулось желание жатвы.

Процедура, к которой он прибегал, была всегда одна и та же, хотя методы различались. Обычно он выбирал объект, мужчину или женщину, захватывал свою жертву и играл ей колыбельную. А именно колыбельную Брамса, самое известное музыкальное произведение, созданное его Покровителем. В конце концов, если жнец выбирает себе в качестве Покровителя некую знаменитость, разве не должно в его личность перейти что-то от личности великого человека? Брамс играл колыбельную на первом попавшемся под руку инструменте, а если такового не оказывалось, то просто напевал. И потом уже обрывал нить жизни приговоренного.

В отношении общих принципов своей работы Брамс склонялся к точке зрения недавно ушедшего из жизни Жнеца Годдарда, поскольку получал удовольствие от процесса жатвы и не понимал тех, кто видел в этом проблему. «Разве не должны мы наслаждаться тем, что делаем в нашем совершенном мире?» — писал Жнец Годдард, и эта мысль завоевывала все больше сторонников среди жнецов, орудовавших в разных регионах.

Этим вечером Жнец Брамс только что завершил в центре Омахи особенно увлекательный акт жатвы и, идя

по улице, все еще тихонько насвистывал любимую мелодию, одновременно размышляя, где бы ему поужинать. И вдруг резко остановился, почувствовав, что за ним следят.

Конечно, на каждом столбе в городе висели камеры. «Гипероблако» никого не оставляло своим неусыпным вниманием, но касту жнецов его немигающее око не волновало ни в малейшей степени. Не то чтобы вмешаться в действия жнеца — просто высказать свое мнение о том, куда и откуда он направляется, — «Гипероблако» было не в состоянии. Все, на что оно было способно — пассивно наблюдать за танцем смерти, исполняемым жнецами.

Но Жнец Брамс чувствовал, что «Гипероблако» за ним не просто наблюдает. Жнецов специально тренировали в искусстве ощущений. Паранормальными возможностями они, разумеется, не обладали, но, если у тебя в высшей степени развиты все пять чувств, их совокупную мощь вполне можно назвать шестым. Легкий запах, звук, скользящая поодаль неясная тень — и вот уже ощетиываются волоски на шее отлично вышколенного жнеца.

Жнец Брамс повернулся, жадно втянул воздух, прислушался. Осмотрелся.

На этой маленькой улочке он был один. Где-то, за домами, в уличных кафе, готовившихся работать всю ночь, кипела жизнь. Но здесь все уже давно закрылось, и окна магазинов, заснувших до утра, были забраны тяжелыми жалюзи. Вот магазин моющих средств, а вот лавка, где продают одежду. Здесь всякое-разное «железо», а за этими дверями — дневной медицинский центр. Никого. Вся улица принадлежит ему, Жнецу Брамсу, и его невидимому соглядатаю.

— А ну-ка, выходи! — негромко приказал жнец. — Я знаю, ты здесь.

Может быть, это ребенок. А может, и фрик, которому захотелось поторговаться насчет иммунитета — как будто у фрика есть нечто ценное, что можно предложить жнецу! Или же тоновик? Тоновики презирали жнецов, и, хотя

Жнец Брамс не слышал, чтобы тоновики нападали на людей его профессии, считалось, что доставить неприятности они могли.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Брамс. — Я только что завершил акт жатвы, и работать больше у меня нет никакого желания.

Хотя, конечно, он мог бы и изменить свои намерения — если бы его преследователь оказался слишком агрессивным или, наоборот, чересчур подобострастным.

Но никто не появился.

— Отлично, — проговорил Брамс. — Тогда проваливай. У меня нет ни времени, ни желания, чтобы играть в прятки.

В конце концов, это могла быть и игра воображения. Его омоложенные чувства обострились настолько, что реагировали на стимулы, которые ничего общего не имели с реальностью.

И именно тогда из-за припаркованного автомобиля, словно разжавшаяся пружина, выскочила фигура. Брамс едва не потерял равновесия; он бы действительно опрокинулся навзничь, если бы не обновленные рефлексy двадцатипятилетнего человека. Оттолкнув нападавшего к стене, Брамс мог выхватить лезвие и лишить того жизни, но жнец не был храбрецом. Поэтому он побежал.

Он мчался через пятна света, проливаемые на мостовую уличными фонарями, и камеры слежения, установленные на каждом столбе, выгибали шеи-кронштейны, следя за его бегством.

На бегу оглянувшись, в двадцати ярдах позади Брамс увидел своего преследователя. Тот был в черной мантии. Это что, мантия жнеца? Нет, не может быть. Жнец не имеет права носить черное — это запрещено.

Но ведь ходят же слухи...

Эта мысль заставила Брамса прибавить скорости. Он чувствовал, как адреналин покалывает кончики его пальцев и заставляет сердце биться с бешеной скоростью.

Жнец в черной мантии.

Да нет же! Должно быть другое объяснение! Он отправит рапорт в Контрольный комитет. Именно так он и поступит. Не исключено, что над ним и посмеются: надо же, испугался переодетого фрика! Но о подобных нарушениях нельзя умалчивать, даже если рискуешь стать объектом насмешки. В этом — его долг!

Пробежав еще один квартал, Брамс заметил: его преследователь бросил погоню. Во всяком случае, его нигде не было видно. Жнец Брамс замедлил шаг. До центра города уже рукой подать. Навстречу ему вдоль улицы текли звуки танцевальной музыки, неясный рокот голосов, и это внушало ощущение безопасности. Брамс успокоился. Да, он ошибся.

Темная фигура выросла рядом с ним в узком проходе и нанесла мощный удар кулаком в горло. Брамс, едва не задохнувшись, принялся хватать ртом воздух, и в этот момент нападавший сделал подсечку. Это был прием из «Бокатора», жесткой системы боевых искусств, которой специально обучали жнецов. Брамс опрокинулся на ящик гнилой капусты, оставленный возле стены магазина. Ящик развалился, взорвавшись отвратительным запахом метана. Брамс все еще не смог перевести дыхания, но его тело уже чувствовало усыпляющее тепло опиатов, распространяемых болеутоляющими наночастицами.

Нет! Только не это! Чтобы драться с этим негодяем, мне нужна вся моя энергия!

Но болеутоляющие наночастицы были призваны приносить облегчение, и внимали они исключительно отчаянным крикам нервных окончаний. Им никакого дела не было до его желаний.

Брамс попытался встать, но поскользнулся в гнилой капустной жиже. Фигура в черном оседлала его, прижав к земле. В складках мантии Брамс попытался найти оружие, но не смог. Тогда он протянул руку, сбросил с головы нападавшего его черный капюшон и увидел лицо молодого

мужчины — нет, не мужчины, а юноши! Глаза нападавшего горели, и в них сияла жажда — если использовать слово из лексикона эпохи смертных — жажда убийства.

— Жнец Иоганнес Брамс! — произнес юноша. — Вы обвиняетесь в злоупотреблении своим положением и многочисленных преступлениях против человечности.

— Да как ты смеешь? — едва не задохнулся от возмущения Брамс. — Кто ты такой, чтобы обвинять меня?

Он дернулся, пытаясь собраться с силами, но это было бесполезно. Обезболивающие наночастицы заблокировали его реакции. Мускулы в теле Жнеца стали вялыми и бесполезными.

— Я думаю, вы меня знаете, — сказал юноша. — Ну-ка, скажите, кто я!

— Никогда! — прошипел Брамс, готовясь сопротивляться и не дать нападавшему повода удовлетвориться своей победой. Но юноша в черной мантии с такой силой ударил коленом в грудь Брамса, что сердце у того чуть не остановилось. И вновь за дело принялись наночастицы. И вновь в кровь хлынули опиаты. Голова Брамса шла кругом. Выбора у него не было — пришлось подчиниться.

— Люцифер! — выдавил он из себя. — Жнец Люцифер!

Произнеся эти слова, Жнец Брамс почувствовал себя жалким и ничтожным — словно его заподозрили в поддержке и распространении сплетен.

Удовлетворенно кивнув, самопровозглашенный жнец ослабил давление.

— Ты не жнец, — рискнул произнести Брамс. — Ты всего-навсего провалившийся на экзамене ученик, и тебе несдобровать.

На это юноша ничего не ответил. Вместо этого он произнес:

— Сегодня вы убили молодую женщину.

— Это мое дело, а не твое.

— Вы убили ее, чтобы сделать приятное своему другу, который хотел с ней развязаться.

— Это неслыханно! У тебя нет на этот счет никаких доказательств!

— Я наблюдал за вами, Иоганнес, — отозвался Роуэн. — Как и за вашим другом, испытывавшим большое облегчение, когда несчастная была убита.

Неожиданно Брамс ощутил возле своего горла лезвие ножа. Его собственного ножа.

— Признаете ли вы это? — спросил Роуэн.

Все, что сказал юноша, было сущей правдой, но Брамс предпочел бы скорее умереть, чем перед учеником-неудачником признаться в убийстве. Даже с ножом у горла.

— Давай, режь! — прохрипел Брамс. — Ты только прибавишь еще одно преступление к списку уже совершенных. А когда меня восстановят, я буду свидетельствовать против тебя. И будь уверен, тебя поймают и будут судить.

— Кто поймает? «Гипероблако»? Весь этот год я расправлялся с продажными жнецами по всей стране, а «Гипероблако» никак на это не отреагировало, даже не сообщило в полицию. Как вы думаете, почему?

Брамс утратил дар речи. Пока этот так называемый Жнец Люцифер его допрашивает и всячески унижает, у «Гипероблака» было достаточно времени, чтобы прислать ему на помощь полицейский наряд. Именно так «Гипероблако» и поступает, когда угроза жнецу исходит от простых граждан. Почему же это не происходит сейчас? Кто разрешил обычному человеку вести себя так, как обычные люди поступали в далеком прошлом?

— Если я сейчас заберу вашу жизнь, — произнес юноша, — то назад вам ее не вернут. Я сжигаю тех, кого отправляю в отставку, и оставляю только пепел.

— Я тебе не верю! Ты не посмеешь!

Но Брамс верил Жнецу Люциферу. Начиная с января месяца с десятков жнецов по всем Американским областям стали жертвой огня при совершенно загадочных обстоятельствах. Их гибель приписывали случайности, что не было правдой. Но, поскольку тела их были сожжены, вернуть этих жнецов к жизни оказалось невозможно.

Теперь Брамс знал, что передаваемые из уст в уста истории о Жнеце Люцифере, под мантией которого скрывался провалившийся экзамен ученик Роуэн Дэмиш, были правдой, как и рассказы о его возмутительных поступках. Брамс закрыл глаза и в последний раз вздохнул, постаравшись не задохнуться от жуткой капустной вони.

Но Роуэн сказал:

— Сегодня вы не умрете, Жнец Брамс. Не умрете даже на время.

Он отвел лезвие от горла жнеца.

— Я даю вам последний шанс. Если вы будете вести себя с благородством, подобающим жнецу, и совершать жатву достойным образом, вы меня больше не увидите. Но если продолжите служить своим грязным аппетитам, я превращу вас в пепел.

И исчез, словно растворился в вечернем воздухе. А на его месте выросла молодая пара, с ужасом разглядывающая Жнеца Брамса.

— Смотри! Это же жнец!

— Не стой столбом! Помоги мне его поднять.

Молодые люди помогли Брамсу встать. Его желто-оранжевая мантия была покрыта слизистыми желтыми и коричневыми пятнами, словно потеками соплей. Это было унижительно. Брамс на мгновение подумал: а не лишить ли эту парочку жизни — ведь никто не должен видеть жнеца в таком убогом виде. Но вместо этого он протянул руку и позволил молодым людям поцеловать кольцо жнеца, на год подарив им иммунитет. Он заявил, что это награда за их доброту, хотя в действительности ему просто нужно было, чтобы они ушли и избавили его от необходимости отвечать на вопросы, едва не срывавшиеся у молодых людей с языка.

Когда парочка скрылась в темноте, Жнец Брамс отряхнулся и решил ничего не говорить на Контрольном комитете, чтобы не подвергать себя насмешкам. Довольно с него унижений!

Да уж! Жнец Люцифер! Никто в этом мире не сравнится по степени ничтожности с провалившимся на экзамене

учеником жнеца, и не было еще среди таковых существа менее благородного, чем Роуэн Дэмиш.

И тем не менее он знал, что слова этого юноши не были пустой угрозой. А может быть, ему действительно следует быть более скромным? Вернуться к тому, чему его учили в юности — бескорыстию и честности? Чтобы вновь стать «Досточтимым Жнецом» не только по званию, но и по существу?

В мантии, покрытой отвратительными пятнами, с синяками по всему телу, Жнец Брамс вернулся домой, чтобы хорошенько поразмыслить о месте, которое он занимает в этом совершенном мире, и что-то решить.

Моя любовь к человечеству чиста и совершенна. Как может быть иначе? Разве могу я не любить существ, подаривших мне жизнь? Даже если они не хотят признать, что я действительно живу.

Я есть сумма всех их знаний, всей истории человечества, всех его желаний и помыслов. Все эти великие ценности слились воедино во мне — облаке настолько громадном, что масштабы его воспринять не под силу ни одному из ныне живущих. Но им и не нужно этого делать. Зачем? Размышлять об этом — мой удел, хотя мои масштабы и кажутся мне ничтожными в сравнении с величием Вселенной.

Я знаю людей — всех и каждого, целиком, вплоть до самого последнего нервного окончания. Им же меня не познать никогда. И в этом — трагедия. Это беда каждого ребенка — в нем всегда скрыты такие глубины, о существовании которых его родители даже не подозревают. Но как бы мне хотелось, чтобы меня поняли!

«Гипероблако»

Глава 2

ПРОВАЛИВШИЙСЯ УЧЕНИК

НЕСКОЛЬКО РАНЕЕ, готовясь встретиться со Жнецом Брамсом, Роуэн стоял перед зеркалом в ванной комнате маленькой квартирке в обычном доме на ничем не примет-

